

84040

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Дивильковский.

ПАМЯТКА ВОЕННОПЛЕННОГО.

Цена 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Р., К., К. и К. Депутатов.
МОСКВА — 1919.

СУЩИНСКИЙ, В. С.

...Берегите зубы! 2. изд.
ная мысль". [1929].

[Харьков], „Науч-

20 с. 17,5 см. 15.000 экз. 12 к.

Б-ка санпросвета. № 22.

1. Болезни зубные.
2. Санитарное просвещение.

617

С91...

II.

29-1998

Українська Книжкова Палата, Харків

Картковий репертуар видань УСРР

Вторая Государственная типография. Трехпрудный, 9.

ГЛАВА I

Великие события.

Всякий русский военнопленный хорошо знает, что без него за 3—4 года случились в России огромной важности дела.

Покуда он, военнопленный, страдал в Германии, либо Австрии, покуда он пахал чужое поле, собирал чужой урожай в чужие гумна, копал каналы в чужих болотах, все дома переменилось.

Кончилось проклятое от веков царское ярмо, самого царя Николая Безмозглого следу не осталось. Россия оказалась жестоко побита немцами. Немцы успели своими машинами да артиллерией, своими 42-сантиметровыми мортирами да «чемоданами» да удушающими газами захватить добрую часть государства.

Польша да Украина, Литва, Белоруссия, Финляндия, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия, все это оторвано от нас, перешло под новую власть, ничем однако не лучше Николаевской.

Знает тоже, конечно, военнопленный, что после этаккой несчастной и ужасной войны Россия страшно разорена. Будто проехали по ней все те четыре грозные всадника, про которых говорится в древней книге.

Один всадник—Война на черном коне. Другой всадник—Мор на бледном коне. Третий—Голод на желтом коне. Четвертый—Пожар на красном коне.

Всех этих смертоносных гостей повидала наша страна, все они взяли с нее свою обильную дань. Такие плоды принесло нам подлое управление тех разбойников, которых мы слишком долго терпели на своей шее.

Все это знает военнопленный. Но многого, однако, он все еще не понимает из того, что случилось дома. Не понимает он, главное дело, того, все ли уж окончательно погибло в нашей стране, либо народ в несчастье взялся за ум и успел проложить себе новую дорогу к лучшему бытию. По пословице: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

58.
Проверено
ЦНБ
1939

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА К.Д.У.
№ 84040

Не разбирает тут дело военнопленный, как следует, особенно по той причине, что за границей, в газетах немецких, также и во французских, и в английских уж очень вранья много.

Чего-чего только не врут эти газеты, как, например, всем военнопленным хорошо известный «Русский Вестник». Это — газета на русском языке, что приказчики германского кайзера Вильгельма печатали нарочно для оболванивания русских пленных, которые поглупей.

Так вот в этих газетах рассказываются про Россию целые вороха небылиц. То будто Россия стала окончательно немецкой, и новое, революционное правительство обнимается с немецкими генералами, помещиками, да буржуями, как с родными братьями. Французские газеты писали даже, что вот-де большевистские правители деньги от немцев по распискам получили.

Как будто в самом деле люди, способные к такой подлости, настолько уже были бы глупы, чтобы расписки еще выдавать. А между тем, американские газеты даже печатали выдуманные фотографии с расписок. Вот оно до чего дошли газетные врали.

А то вдруг немецкие газеты принимаются вопить наоборот, что вот мол московские правители, Ленин да Троцкий, всю Россию губят; немцев, видите ли, не слушают, немецкие капиталы грабят, торговать с немцами не желают и проч.

На всех, как видно, не угодишь. Но так ли, иначе ли, верно то, что военнопленным трудновато-таки разобраться в этой своекорыстной газетной разноголосице. Тем более, что он не в состоянии проверить все эти известия, так как может иметь только одну какую-либо газету, например, тот же несчастный «Русский Вестник».

И понятно, что военнопленный напуган, растерян. И когда приходится, наконец, направляться в Россию, на границе замирает его бедное сердце, боится он, что и в самом деле в России хлеб по 80 руб. фунт, да и то не сыщешь, что из Москвы с голодухи все население разбежалось.

По крайней мере, так ему сообщают разные подосланные нарочно смутители где-либо в Брест-Литовске, в Минске, в Барановичах.

Поэтому нужно помочь русскому земляку, когда он голодный, раздетый возвращается, наконец, к себе домой. Надо рассказать ему в простых и ясных словах, без вранья и прикрас, что же на самом деле случилось за эти годы в России.

Как же на самом деле, погибает ли окончательно наш великий народ? Либо же это, скорей всего, простые враки,

сочиненные злыми врагами подлинного русского народа, трудящегося, угнетенного?

Потому что такой огромный, стомиллионный народ погибнуть ни в коем случае не может. Все перетерпит, все перемелет и встанет снова прекрасный, и богаче, и лучше прежнего.

Лишь бы он только не слушал своих лживых врагов и верил бы в себя самого, верил бы своей могучей, непобедимой силе.

Дело случилось вот как за все эти четыре слишком года.

Сперва царь-батюшка Николашка наступал, как все помят, на немцев и особенно на австрийцев с большим блеском и треском. Забрал Галицию и Буковину от Австрии, даже у Германии забрал небольшую часть Пруссии. Потом, однако, дела пошли у царя все хуже. Оказался в армии полный недостаток всего: и артиллерии, и снарядов, и ружей. Еще хуже того: в главном штабе армии оказалось полно немецких шпионов (полковник Мясоедов). А наконец и самого военного министра Сухомлинова уличили, как продавшегося немцам.

Понятно, что неудачи пошли за неудачами. Армия русская окончательно развалилась. Немцы, как волна, залили Западный фронт. И как царская власть только и держалась, что послушными солдатскими штыками, то она и была уничтожена рабочим народом и восставшей армией.

Потом началось владычество хитрых буржуев под командой профессора Милюкова, московского купца Гучкова да адвоката Керенского. Потому, что рабочий и крестьянский народ еще не понял того, что богачи-буржуи—его злые враги, не хуже царя. Народ думал, что раз они тоже сбрасывали царя, то они—вместе с ним.

Вышло однако наружу очень скоро, что буржуи стараются только для себя, а вовсе не для трудового народа. Керенский и его министры вовсе не хотели давать крестьянам помещичьей земли и не хотели освободить рабочих от власти хозяев-фабрикантов, не хотели даже прекратить гибельную войну.

Напротив того, они все мечтали еще захватить назад Галицию, а то и разделить Австрию. Им грезились особенно Константинополь, турецкая столица, и морские проливы, где он стоит. По тем проливам, видите ли, буржуи хотели плавать по всем морям для новой богатой торговли.

И все это мечтал Керенский, верный слуга буржуев, до- аш- стать руками той же самой армии, которую в конец обманул ки и расстроил еще Николай.

Но оказалось, что у армии уже слишком открылись глаза. Армия слишком хорошо поняла, какую подлую игру играли с ней буржуи, вслед за царем. Как только Керенский командовал—вместо заключения скорого мира—новое наступление в Галиции, все было кончено.

Армия наступать отказалась, требуя немедленно мира. Тогда Керенский и его генералы с главнокомандующим Корниловым во главе страхом попытались заставить армию все же идти. Пошли на фронте и в тылу расстрелы. А когда и расстрелы не помогли, Корнилов двинулся на Питер, чтобы расстрелять Советы Рабочих Депутатов и установить свою полную власть.

Дерзкий генерал ошибся. Солдаты ему снова не подчинились: Питерский Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов остался победителем. Скоро затем, в конце октября, сброшен был рабочим народом и сам Керенский.

Потому что и Керенский надувал рабочих вместе с Корниловым. Заодно с ним Керенский хотел задушить Советы Рабочих Депутатов и только перед самым наступлением Корнилова они переругались из-за того, кому взять главную власть.

Рабочий народ ответил этим нахалам: „Власть не будет ни свирепым расстрельщикам-генералам, ни болтливым брехунам-адвокатам. Вся власть—Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов“.

С того памятного дня—25 октября 1917 года—в России вот уже больше года и существует единственная покамест в мире Рабоче-Крестьянская Республика, где трудовой народ наверху, а богачи, аристократы и прежние начальники лишены всякой власти—как змея, у которой вырваны ядовитые зубы.

Керенский не сразу все же покорился своей судьбе. Он еще попытался напасть с войсками на Петроград. Но так же, как и генерал Корнилов, он был отбит в сражении под Красным Селом и бежал без оглядки.

Всякий военнопленный должен без объяснения понимать, что вместе с властью Советов трудового народа открылись словно бы золотые ворота в светлую страну будущего счастья и свободной жизни для каждого рабочего, для каждого бедняка крестьянина, что прежде изнывал в какой-нибудь ветхой землянке над своим разбитым корытом. Словно в сказке про рыбака и рыбку!

Однако, власть Советов не так-то легко может сразу все уладить, как надо для народа. Потому что, во-первых, страна наша страшно разорена войной, да еще раньше того была с'едена на половину царским хозяйничаньем. Взять хотя бы, например, железные дороги.

За войну на наших железных дорогах попорчена огромная часть паровозов и вагонов. Исправлять же те и другие почти что нет возможности по причине нехватки железа и опытных рабочих (перебиты на войне, либо сидят еще в плену). От этой же причины ужасно страдает вся Россия, так как нельзя ни подвозить достаточно хлеба и провианта в города, ни товара железного и мануфактурного для деревень.

Вот отчего—голод в Москве и Питере, и безработица на фабриках, и нехватка одежды и обуви по всей России. Однако, не только поэтому

Причина наших бед и злоключений еще и в том, что война съела рогатый скот и лошадей по деревням, истребила множество здоровых и крепких рабочих. От одной этой причины запашка и посевы уменьшились в России на огромную часть—на одну треть. Значит, и хлеба и провианта уменьшилось на столько же

Правда, земля помещиков и казенная перешла нынче к трудящимся. Но покамест—без работников без скота и без необходимых полевых орудий еще нет возможности обработать всю эту землю, что вернулась к своему настоящему работнику от дармоедов

И все же это бы ничего. Лишь бы только народ не выпускал власти из своих рук, лишь бы он все туже затягивал петлю на шее у буржуев. Лишь бы не давал им снова опомниться, вырваться из крепких рабочих рук и снова приняться орудовать богатствами во вред народу

Тогда и железные дороги в два-три года придут в порядок: стоит только рабочим налечь на труд, дружнее грудью взять там, где нехватает наличных сил. И землю кое-как обработаем, и хлеба в города подвезем, и товара деревне в обмен за продукты.

Все это возможно, если ввести со всей строгостью и честностью настоящий *социалистический*, иначе еще: *коммунистический* порядок во всенародном хозяйстве. Иначе сказать: если всякие хозяйственные порядки будут управляться сообща Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, вроде того, как это бывает с общим хозяйством в одной большой крестьянской семье, либо в большой артели.

Но главная беда, главная трудность для русского трудового народа не во всех тех недостатках, что выше перечислены. Те недостатки сделаны проклятой войной между царями и буржуями. Раз Россия ушла из их подлой войны, она спасла себя и занялась бы на просторе постройкою своей новой, счастливой жизни для всего народа

Но есть вещь похуже, погрозней для нас всех этих недостатков: это—ненависть к нашей небывалой нигде трудовой.

рабочей республике, ненависть со стороны всех буржуев всего света.

И они поэтому стараются задавить наше новорожденное счастье со всех сторон. Англичане, американцы, французы, японцы,—все лезут на нас от Черного моря, от Белого моря, с Сибири, с Румынии. Они готовы с'есть нас, потому что страшно боятся нашей заразы.

Боятся, что, как испанская болезнь теперь гуляет по всему свету, изможденному войной, так вот и зараза русского большевизма, русской власти Советов, не перекинулась бы и в Англию, и во Францию, и в Японию, и в Америку.

Трясутся всюду буржуи, как бы рабочий народ не очнулся от своего глупого послушания богачам, как бы всюду не погнал своих болтунов—Керенских и своих звероподобных Корниловых. Трясутся и спешат задавить болезнь в самом ее гнезде, в России.

И вот отчего сейчас главное стеснение нашей жизни. В самом деле, как же приводить в порядок всенародное наше хозяйство, когда от нас отхвачена хлебородная Украина и Сибирь, когда уголь, железо и нефть отняты у наших железных дорог и наших фабрик вместе с Донецкими угольными и железными рудниками и с нефтяным городом Баку?

Но, конечно, тут не одни иностранные буржуи стараются. К ним на службу поступили и все домашние разбойники и жулики: все эти Милюковы, Керенские и генералы царя, и с ними все буржуи, обиженные новыми нашими порядками, все называемые контр-революционеры.

Впрочем, подробнее скажем об этом дальше, под конец этой листовочки, а сейчас пока расскажем пояснее, в чем состоит суть и разница нынешних советских порядков от прежних порядков и вообще от буржуазных порядков во всем свете.

ГЛАВА II.

Полная перемена всех порядков в России.

Начиная с 25 октября 1917 года настали в России совсем иные порядки, каких не только у нас не было никогда видано, но и во всем свете нигде раньше не водилось.

Перемена эта, впрочем, давно уже задумана была тою политической партией (партия значит: союз, либо сотоварищество), которая называется „партией большевиков“. Почему и самые порядки слывут „большевицкими“. Часто говорят тоже так: „большевики ввели, например, такие-то облегчения для трудового народа“, например, увеличили паек рабочим. Либо

еще: „большевики отменили такие-то утеснения“, например, поповские поборы с народа.

Кто же эти большевики и какие вообще новые, добрые порядки у них придуманы?

Слово „большевики“ взялось вот откуда. Нынешние большевики составляли прежде вместе одну партию со всеми прочими русскими *социал-демократами*, т. е. людьми, желавшими завести социализм (всенародное товарищеское хозяйство) и демократию (власть всего народа *на* место кучки буржуев).

На одном с'езде русских социал-демократов 15 лет тому назад случилось крупное несогласие между *большинством* того с'езда и *меньшинством*. Потом обе несогласные части стали действовать отдельно и так и назвались: „большевики“ и „меньшевики“. Большевики *сейчас* назвались „коммунистами“.

Несогласие же их состояло в том, что большевики были боевые и хотели уничтожить царскую и буржуйскую власть прямо восстанием рабочих и крестьян, с оружием в руках. Меньшевики боялись такой вооруженной революции. Они проповедывали союз и согласие с буржуями.

В октябре большевистская (коммунистическая) партия победила рабочей силой и рабочей кровью. После этого чуть не весь народ русский числится нынче в большевиках: он увидал их правоту, их геройство и разум.

Порядки же, задуманные большевиками и устраиваемые сейчас по всей России советами рабочих и крестьянских депутатов, следующие.

Мы сказали уже, что вся власть в нашем новом государстве состоит в руках этих советов. Нет, значит, никого выше их, нет ни царя, ни князя, ни даже президента республики, вроде как во Франции, либо в Америке. Рабочие, крестьяне сами выбирают свои советы, куда не пускают окончательно ни одного буржуя, и выборы эти часто возобновляются, чтобы депутат (выборный) не успел разминуться с народом в его желаниях и намерениях.

Советы трудовых неимущих людей выбираются по всем городам и по всем деревням, и каждый такой совет ведает все дела в том городе, либо деревне: и насчет земли, и на счет жилья, и продовольствия народа, и его образования, и дорог, и здоровья и проч. Для общих дел всей волости выбирается совет волостной, для уездных общих дел — уездный, для губернских — губернский.

Для общих же дел всего государства, всей республики собирается Всероссийский С'езд всех рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в Москве. Для по-

стоянного обсуждения всенародных дел в течение круглого года Съездом этим выбирается из своих членов Центральный Исполнительный Комитет, который тоже заседает в Москве и для краткости зовется просто В. Ц. И. К.

Наконец, тот же Всероссийский Съезд выбирает еще и „народных комиссаров“, по старому сказать: министров, т.-е. таких знатоков каждого дела, которые приставлены нарочно к одному делу, например, к иностранным делам, ко внутренним делам, к военному, к морскому делу, к судебному (юстиции), к народному просвещению, к финансам (казне), к железным дорогам, к продовольствию и т. д. Все Народные Комиссары вместе составляют тоже Совет Народных Комиссаров, или сокращенно в одном слове *Совнарком*.

Председателем этого-то Совнаркома и состоит всеми почитаемый товарищ *Ленин*.

Вот как у нас налажена теперь всенародная советская власть, вся выборная, от рабочего народа, а не то, как прежде, вся по наследству, либо по милости царской, дворянской, либо капиталистов. И чтобы министры-рабочие не успели зазнаться, их выбирает заново каждый Съезд.

Понятно, что у советской власти и все законы и распоряжения, словом все устройство государства совсем иное по сравнению с прежним.

Начать с того, что рабочая советская власть не может терпеть, чтобы в государстве продолжали смердеть дворяне-помещики. Поэтому - то вся земля у них и взята и отдана трудящемуся народу, а титул их навсегда уничтожен.

Однако, даже и трудящимся отдавать землю зря не следует. Ведь и помещики когда-то вышли из трудящихся и закрепили весь народ только оттого, что имели полную *собственность* на землю. Они богатели, собирали в своих руках все больше земли, а другие беднели, теряли землю. Так и выросли помещики.

Чтобы этого снова не случилось, нельзя оставлять никому землю в полную собственность. Вот советы и запреты всякую куплю-продажу земли, и ее владельцем остается только весь народ. Местные крестьянские советы распоряжаются землей, как находят нужным. Всего лучше обрабатывать ее сообща, коммуной (общиной), делясь потом продуктами.

Советская власть поступает так не только с землей, а и со всяким имуществом. Она конфисковала (отобрала) все жилые дома по городам у буржуев и отдала их в рабочее управление и рабочим для жилья. Она сперва поставила и все фабрики под контроль (под надзор) самих рабочих, а

потом стала их и вовсе отбирать. Управляют фабриками те же рабочие, однако, по указанию советских властей

Советы наложили руку и на банки. Всякий понимает, что банк, куда богачи складывали все свои денежки, есть огромнейшая сила. И ежели бы эта сила оставалась во власти буржуев, они бы деньгами своими все же одолели бы рабочую власть.

Поэтому банки „национализированы“ (т. е. взяты в собственность рабочей казны), и деньги из них идут теперь на пользу рабочих и крестьян, а не в карман банкиров да фабрикантов.

И так во всем. Недавно еще советская власть отобрала всю торговлю у купцов и сама принимается поставлять все товары рабочему народу. Всем известно, как увеличена теперь и заработная плата—до 400, 500 и 800 рублей, так что рабочему человеку в городе и деревне есть из чего купить казенную одежду, обувь, железо, либо с естной товар.

Если всю эту огромнейшую перемену охватить сразу одним взглядом—как говорится, с птичьего полета, то можно бы сказать, что советская власть либо сам батюшка Трудовой Народ заделался своим землевладельцем, фабрикантом и банкиром, все равно, как он стал сам своим царем. Народ не хочет в хозяйственном деле глядеть ни из чьих рук. Напротив того, всех людей, хорошо сведущих в сельском ли хозяйстве, в промышленности ли, либо в обмене товаров (торговле), он ставит себе в послушные приказчики, а не в хозяева.

И в самом деле: до чего это было прежде глупо, что огромная масса людей должна была, задыхаясь от натуги, плясать по указке сотни-другой „хозяев“, и весь народ должен был голодать, чтобы хозяева эти наживали себе толстое пузо. Какая, право, бессмыслица, какой стыд!

Лучше же пусть они, эти прежние хозяева и повелители, эти буржуи, землевладельцы, фабриканты, купцы, инженеры, пусть они опомнятся от своей глупой любви к начальствованию и от своекорыстия. Народ скрутит их, покажет им свою власть, научит их, что кончилась их масленица, теперь—идите все на меня, на Царя-Народ, работать за хорошее жалованье.

И они поймут,—те, конечно, кто действительно понимает в работе, в хозяйстве. Другие, такие жирные капиталисты, что умели лишь проживать свое богатство, те убегут за границу, либо пропадут: не жаль этих дармоедов. А те хозяева, что сами смыслили в производстве, будут *заставлены* слушать народу

Любопытно теперь посмотреть, куда ведут нас все эти великие перемены. Куда ведут, это нетрудно понять тому, кто хоть краем уха слышал, что такое *социализм*, либо *коммунизм*.

Дело все идет к тому, что *всякий капитал, всякие деньги в конце-концов просто-напросто уничтожатся*. В городе люди будут производить на фабриках да заводах всякие промышленные товары, в деревне — хлеб и прочие с'естные продукты да сырье всякого рода. И город с деревней будут просто своими продуктами обмениваться, без всякой уплаты денег. Тогда и банки *вовсе на-веки прекратятся*.

Притом еще и количество нужного всему народу продукта будет заранее решаться с общенародного совета, а не так, как теперь, когда всякий хозяин действует по своему произволу: пашет, что сам знает, фабрикует, сколько хочет, не спрашивая других.

Нет, в коммунистическом государстве не будет такой глупости. Тогда будет еще, скажем, с зимы, с нового года сделан учет, сколько и чего требуется всему народу на целый год. И потом с зимы же будет сделана раскладка, какая губерния, либо какой город и сколько должен произвести хлеба, либо мануфактуры, либо железного товара.

Вот как все прекрасно и ладно должно быть учтено, обдуманно и исполнено. Буржуи никогда ничего подобного не делают, а просто делают друг другу конкуренцию, каждый старается наготовить товара больше соседа и продать на рынке для себя повыгодней. А от этой безумной свалки страдает весь народ.

К социализму, к коммунизму, к безденежному, разумному хозяйству и ведет нашу страну советская власть. Она делает это не сразу, а постепенно, по той причине, что на такое безмерно огромное дело потребовалось бы сразу множество понимающих работников и служащих. У нас же пока еще достаточно таких, что боятся самого слова „социализм“. Думают: ах, вещь это такая небывалая.

Небывалая то она, пожалуй, небывалая. Но надо же, наконец, уразуметь, что после такой гибельной войны, в такую тоже небывалую никогда годину разрухи, единственно социализм, коммунизм только и может еще спасти весь народ.

Злая болезнь требует и лекарства самого сильного.

Советская власть и устроила по всей стране такие особенные ведомства, которые бы приводили в социалистический порядок все хозяйство в доме народа. Ведомства эти так и зовутся: Советы Народного Хозяйства, или сокращенно „Совнархозы“.

Совнархозы тоже имеют свои с'езды (до сих пор их было два) и выбирают один главный Совет Хозяйства, называемый Высшим Советом (Высовнархоз.).

В руках Высшего Совета собралось уже огромное богатство. Достаточно сказать, что он распоряжается всеми железными и металлическими заводами в государстве и всяческим топливом, дает казенные заказы всем мануфактурным фабрикам, поставил в этом году в деревню на два миллиарда рублей (т.е. на 2 тысячи миллионов) всяких тканей в обмен за хлеб и другие с'естные припасы.

Высовнархоз держит в руках сейчас все магазины и лавки по всей стране и скоро будет торговать один единственный, через союзы приказчиков. Он же командует всеми казенными железными дорогами.

Когда крестьяне поймут, наконец, всю пользу этих новых порядков, Высовнархоз и все местные совнархозы будут указывать и крестьянам, что и сколько им пахать и засеивать для всего государства.

Казна всенародная становится понемногу не только денежным мешком государства, но и управителем всех хозяйственных дел в нем.

Для всех этих дел казна (либо Высовнархоз) имеет словно бы сотню рук—множество таких союзов по каждому роду народного труда, которые заведуют одним сортом товара: кожей, либо тканями, либо сахаром, либо лесом, удобрением и т. д. Сокращенно эта сотня рук казны зовется так: Главкожа (Главное управление кожей), Центроткань (Центральное управление тканями), Главсахар, Главлес, Центротук и т. д.

Все это новое устройство народной жизни еще только налаживается, еще находится в постройке. Поэтому многое меняется каждый день. Все равно, как на новом поселении у какого-либо крестьянина, который прибыл в дальний сибирский край из Курской губернии и первые годы никак не может обжиться, освоиться на новом месте. Так и Россия с устройством коммунизма.

Но ничего. Обживется, устроится. К старым буржуйским, либо дворянским порядкам—а лучше скажем: беспорядкам—нет возврата. Подумайте только: снова вернуть что-ли землю помещикам, снова что-ли работать, как раб, хозяину. Лучше смерть.

А коли так, то нечего хныкать, что тяжело идти дорогой социализма. Виноват тут не социализм, а наоборот—буржуи, свои и иностранные, что своей войной толкнули все земные народы на самый край гибели.

Идти дорогой социализма необходимо. Поэтому каждый должен лишь заботиться, чтобы своим содействием облегчить тяжесть дороги. Каждый обязан от всей души, ото всего сердца, добросовестно трудиться на святой службе Советского Государства.

Ведь Советское Государство—это твое государство, товарищ. Советская власть—твоя власть, ты сам в ней участвуешь, выбираешь, либо сам же в ней сидишь. Советы—это ты сам.

Твое счастье—все в твоих руках.

ГЛАВА III.

Народные трудности и страдания.

Прочитав все рассказанное сейчас насчет советской власти и социализма, либо коммунизма, который ее руками понемногу строится, иной военнопленный может покачать головой и сказать так:—Все мол это хорошо и прекрасно. Нынешняя всенародная власть желает хорошего и строит новую счастливую жизнь по верным планам. А только почему нам выпадает тут столько разных страданий?

И военнопленный в первую очередь расскажет про страдания, перенесенные им же самим, когда он перешел русскую границу. Голод, холод, бесприютность, болезни.

Сколько бедных военнопленных перемерло, идя пешком по пути железнодорожному. Сколько не могло добиться места хоть бы на крыше вагона и замерзло где-либо в кустах у дороги.

Что же, скажет военнопленный, утешительного для нас в том, что социализм в будущем все прекрасно устроит. Плохи дела для нас *сегодня*. Почему это так плохо устраивает советская власть?

Ответ на это будет такой. Совершенная правда, что военнопленным круто пришлось при возвращении на родину, особо в первое время. Но ведь как вышло все дело с их возвращением.

Ведь их сразу освободили из Германии и Австрии десятками и сотнями тысяч, неожиданно. Ведь в Австрии и Германии внезапно случилась революция: Вильгельм—кайзер полетел со своего высокого трона, австрийский император тоже.

Военнопленные как сыпнули целую рекой людского на русскую границу, у русской рабочей власти и не хватило

никакой возможности ни приютить, ни прокормить, ни перевезти сразу все эти огромные толпы.

Тут виновато общее, всемирное несчастье — война и все то расстройство во всех странах, что от войны произошло.

Советская власть — тоже не волшебник и не чудотворец. Рабочие и крестьяне должны были забрать в свои руки власть, потому что иначе все погибло бы. Но именно по этой причине власть ихняя находится в таком трудном положении, в каком еще никакая власть не бывала.

Мы уже говорили раньше про то, как мало исправных вагонов и паровозов досталось нашим советам в наследство от царя Николая. Он промотал все народное богатство, а теперь приходится биться с остатками, да обрывками.

Годы пройдут, покамест советской власти удастся все привести в порядок. Тут нечего и думать, чтобы вот так сейчас все стало по своим местам, и всем бы стало жить счастливо.

Нет, попали мы все как в огромную мельницу. Эта мельница — всемирная драка, затеянная врагами рабочего народа, которых зовут „империалистами“ (далее мы объясним подробно, что такое империалисты). И счастливым себя должен считать тот, кто живым выберется из-под тяжких жерновов этой мельницы.

Тут не одни лишь военнопленные страдают, все в большой опасности. Почитайте-ка в газетах, как, например, чехословаки и белогвардейцы вырезывали до-тла рабочее население в Самаре, в Уфе, как только забирали эти города в свою власть.

А от голода и холода сколько нынче народа страдает в Питере, в Москве, в других больших городах. Не было возможности доставить туда достаточно хлеба и дров. А почему не было возможности?

Опять-таки заграничные буржуи и свои, домашние буржуи, то и дело нападают на Россию, отхватывают от нее самые богатые места, заставляют двигать поезда с войском и с припасами на окраины. А следовало бы эти самые поезда двигать наоборот в середину, к столице, к большим городам.

Одним словом, военнопленному следует понять всю необыкновенную трудность для советской власти посреди этих страшных нехваток во всем, да перед лицом стольких злых врагов.

Военнопленному следует уразуметь, что власть рабочих и крестьян может утвердиться и завести свои добрые порядки лишь дорогою ценой. *Каждый рабочий и каждый*

крестьянин-беднота должен быть готов своею жизнью пожертвовать для советской власти, а не то, чтобы ожидать от нее немедленно всяческого для себя удовольствия, да бранить ее за то, что „ничего, мол, для военнопленных не при готовила“

Советская власть ведет ведь страшную войну с буржуями всех стран, войну за полную свободу для рабочего народа. А на войне ведь не шутки. Войну выигрывает лишь тот, кто себя не жалеет для общего дела.

Вот почему приходится военнопленному с крайним терпением встречать всевозможные беды, которых сейчас в России хоть пруд пруди. Ведь он, военнопленный, видал сам собственными глазами, что и в других странах ничуть не слаше нашего.

Он видал даже, что там хуже нашего, потому что, кроме голода и всех недостатков, еще имеется и власть буржуев. Буржуи же, как злые погонщики, гонят рабочего и бедняка-крестьянина в траншеи умирать за их буржуйский, карманный интерес.

Впрочем, сейчас уже и в Австрии и в Германии рабочие утвердили советскую власть и, конечно, обернут эту власть тоже против буржуев. А когда та же счастливая перемена случится и в Англии, Франции, Америке—вот тогда у нас, в России, сразу для всего народа сильно полегчает.

Тогда гораздо свободней можно будет заняться устройством наших домашних, хозяйственных дел, и страдания и трудности народные сильно поуменьшатся.

Однако, есть и еще жалобы, и справедливые жалобы, которые идут уже не от одних военнопленных, а от всего населения России. Жалуются уже не на такие недостатки и страдания, которые не зависят от сил Советской власти,—голод, холод, нехватку одежды и проч. Жалуются прямоком на советскую власть, на ее неправильные действия, на ее несправедливости.

Вот эти жалобы много похуже первых. И надо их серьезно рассмотреть.

Жалуются, например, особо по деревням, на различных комиссаров, либо на советских служащих, а то в иных местах и на самые советы, что они командуют слишком уж по-чиновничьи, по старине. Командуют так, что трудового человека в бараний рог гнут, либо, случается, прямо грабят, а то и жизни лишают без всякого суда.

Стыдно признаться, а случаи такие верно бывают. Только виновата в них не советская власть, а виноват тот самый трудовой народ, который слишком мало пользуется своею властью.

Многие рабочие и многие крестьяне слишком оказываются ленивы, чтобы самим работать изо всех сил в советах и советских учреждениях. Уступают слишком охотно эти должности первому попавшемуся проходимцу, лишь кто покажет ретивость к делу.

И этим путем напускают в свое кровное, дорогое, святое дело самых его отъявленных врагов, разных контр-революционеров, белогвардейцев, да саботажников. Либо тоже еще прямых жуликов, кулаков и уголовных преступников.

И эти люди, конечно, гадят все дело в советах, да еще и с удовольствием. Ведь всякая их кража, всякое насилие и убийство сейчас же ставится в вину всей советской власти. Глупые люди поднимают крик: „вот они, хуже, чем при Николае“. А умные-то, враги-то народные за их плечами, хихикают, радуются: падает, мол, вера в советскую власть.

Расстреливать надо подобных злодеев-преступников, которые своими подлыми деяниями порочат святое народное дело. Но нельзя и похвалить те города и те села, и тех трудовых людей, рабочих ли, крестьян ли, которые сами же поназыберут в свои собственные советы хулиганов да кулаков, вместо людей честных и добрых коммунистов. А потом сами же и жалуются: ах, ах, худо. Заели нас „советчики“ да „комитетчики“.

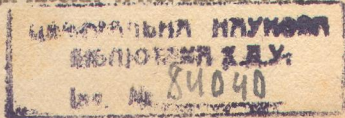
Средство против этих подлинных бед заключается никак не в жалобе. Будем ахать да жаловаться, так того и гляди, доахаемся да дожалуемся до воскресенья всех буржуйских и царских, истинно-грабительских порядков.

Средство же состоит не в чем ином, как в одном: в горячей любви, в сердечной преданности новому советскому порядку жизни. Любовь и преданность должна быть так сильна—сильнее смерти,—чтобы не слушать всех заячьих жалоб и всех волчьих завываний. Без пощады гнать в шею всех порочащих добрую советскую семью и строить, строить, строить без усталы светлый дом коммунизма.

Такой вот неподдельный коммунист (большевик) не будет уже пугаться и смущаться, встречая всякие безобразия кругом себя: он будет ежеминутно помнить, какая гибель всяких гадов, разбойников, мошенников досталась нам от капиталистических, гнусных времен. И все это присасывается, примазывается к нашему новому устройству.

Надо иметь острый глаз и верный нюх, надо уметь разбирать притворщика от доброго работника. Тогда и спасется все общее народное дело.

Впрочем, главная-то причина всех сказанных безобразий находится не в том, что старые люди плохи и негодны. Глав-

ная причина та, что не вымер еще окончательно старый уклад жизни, т.-е. буржуйский, капиталистический порядок.

Мы, Россия, словно семиверстными сапогами, шагнули сразу далеко по дороге социализма. А весь прочий мир, вся Европа и Америка, и Азия, и Африка, остается под ярмом у капитала. Там во главе всех народов стоят небольшие кучки банкиров, всесветных богачей-капиталистов, которые хитро затуманили всем мозги, словно кровавым навождением, своим жадным империализмом.

Империалисты и ведут борьбу против нашего большевистского коммунизма, борьбу не на жизнь, а на смерть. Победит либо коммунизм, либо империализм, будет наверху либо наш Ленин, либо американский Вильсон. Вместе им не жить.

А что же такое империализм? Это есть под новым видом просто-напросто тот же самый капитализм, значит, такой порядок жизни, где всем командует денежный капитал, стоящий как на фундаменте, на множестве наемных рабов, называемых рабочими.

Разница тут та, что империализмом зовется капитализм самоновейший, злее прежнего. Особенность его нынче состоит в погоне за всемирной „империей“, иначе сказать—за самодержавным владычеством над всем миром.

Еще лет 30 назад этого не было; капиталисты Европы и Америки спорили друг с другом из-за разных рынков для сбыта, из-за дальних, заморских колоний. Они делили промежду себя жаркие страны, населенные полудикими народами. Но они не добивались окончательно задавить всех других капиталистов, чтобы добыть себе монополию (единую и полную хозяйскую власть на всей земле).

Империализм же этого именно добивается. Хочет уничтожить всех своих конкурентов и остаться владыкой всего света. Так, американские банкиры-миллиардеры гонятся за полным уничтожением, либо подчинением себе сперва германских, а потом и английских капиталов.

Из-за того и жесточайшая война. Спрашивается теперь, зачем же целые огромные народы лупили без пощады друг дружку в этой войне? Из-за того лишь, чтобы капиталистам доставить монополию. Ну, ладно, кончили войну, победили англичане да американцы какая же выгода их народам? Ничего, кроме смерти и нужды голодной.

Поэтому-то и в России у нас столько бедствий и трудностей и безобразий. Ведь кроме нас во всем мире еще царит кровавый империализм. Понятно, что слишком еще много людей в самой России никак не могут поверить, что коммунизм всех одолеет и сам устроит свой дом.

Эти люди-маловеры и жадные слуги капитала и портят все советские дела. Они все еще считают их за шутку, за шутость. И несут советскую службу спустя рукава. Настоящее дело, думают они, будет, когда снова придёт сюда на царство желанный хозяин—капитал.

А между тем чужестранный империализм сам наступает на нас отовсюду и стесняет нас голодом так, что едва дышать можно. Эти внешние стеснения присоединяются к тому внутреннему маловерию и жадности. И вот вам как трудно доброму делу прорваться сквозь эти вражьи окопы и заграждения.

Против империализма сейчас у нас лучшее средство—Красная Армия. Поэтому наше последнее слово к военнопленным будет увещательное: товарищи, для вашей свободы, для сохранения власти ваших советов, для счастья ваших детей и внуков—идите все в Красную Армию сражаться против наших обидчиков—империалистов и белогвардейцев.

Однако, об этом надо сказать немного пространнее.

ГЛАВА IV.

Новая, справедливая война.

Военнопленные, как люди, пострадавшие особенно от войны, ничего так не ненавидят, как войну. Идут на родину и клянутся никогда в свете не воевать больше.

И слышали тоже военнопленные, что с тою же ненавистью к войне вступили во власть и российские советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, что в октябре месяце революция была произведена под тем первым лозунгом, чтобы заключить немедленный мир и больше не воевать.

А теперь снова—Красная Армия, значит—война. Не есть ли это полное нарушение того прекрасного лозунга мира?

Ничуть не бывало. Ведь Советская-то власть заключила мир в несправедливой империалистской войне. Советы торжественно обещали всему миру вперед таких наступательных, грабительских войн не вести.

Но как же, если без всякого внимания к нашему миролюбию империалисты английские, французские, американские нападают на нас, отрывают наши лучшие земли, открыто грозят задушить?

Неужто же нам быть такими ослиами, такими послушными овцами чтобы дать себя стричь и резать без сопротивления?

Нет, мы еще не окончательно оглупели и против оружия сумели выставить тоже оружие

Поэтому необходима нам сильная Красная Армия, которая уже, надеемся, не даст спуска никаким хищникам Европы или Америки, либо Азии.

И если военнопленные желают действительно добра своему отечеству, да себе самим, то они поймут, что сколь ни худое дело — война, тут ничего не поделаешь. Воевать надо.

Следовательно, надо и вступать в ряды этой армии, хотя бы еще кости ныли от воспоминания о прелестях „цивилизованного“ обращения с пленными.

Надо вступать в эту коммунистическую армию и надо сражаться в ней молодцом, как подобает старому, опытному воину, повидавшему смерть перед собой сотни раз.

Военнопленные и могут быть особо полезны, как живой пример для молодежи, собравшейся сейчас в Красной Армии. Из военнопленных многие могут быть дельными офицерами в ней.

Но военнопленные могут принести и еще одну немало-важную пользу и в армии, и у себя по домам. Ведь они повидали-таки жизнь иную не русскую, европейскую, образованную. Жизнь там налажена куда искуснее, чище, культурнее, чем у нас.

Они присмотрелись основательно ко всем европейским распорядкам. Они научились и новым приемам в работе, на-видались разных усовершенствованных машин, приборов, построек. Пусть передают эти свои драгоценные познания русским рабочим, крестьянам, воинам.

В России страшно нехватает этих важных знаний. Тут военнопленным — книги в руки, как учителям.

Вы видите, что горевать слишком уже не приходится, возвращаясь домой, — хотя бы это возвращение было и не очень сладко.

Россия Советская, Россия Народная, трудовая, *ваша* Россия ждет вас не для горевания, а для работы, не покладая рук.

Встряхнитесь же, отряхните грусть. Отдохните месяц-другой, да и за работу для коммунизма, товарищи. Да здравствует Новая Советская Жизнь в России!

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

